

И. П. ГАЛАХОВ—ГЕРЦЕНУ

Публикация Н. П. Анциферова

В первой главе книги «С того берега» — «Перед грозой (Разговор на палубе)» Герцен передал свою беседу с лицом, им не названным. Герцен характеризовал здесь своего собеседника как человека, жаждущего «...выйти из нравственного бессилия, из жалкой неприлагаемости убеждений, из хаоса...» (V, 396. — Курсив наш. — Н. А.). По свидетельству Герцена, его собеседник говорил ему: «Повсюдная скорбь — самая резкая характеристика нашего времени» (V, 394).

Впоследствии, в главе XXIX «Былого и дум» («Наши»), Герцен назвал имя человека, беседы и споры с которым легли в основу «Разговора на палубе». Это был Иван Павлович Галахов (1809—1849) — автор публикуемого ниже письма.

Галахов был одним из наиболее характерных представителей социально-исторического типа «лишних людей» дворянской интеллигенции сороковых годов. Подобно Бельтову, Рудину, Лаврецкому, Агарину он, действительно, никогда не смог выйти из «жалкой неприлагаемости убеждений», несмотря на свою образованность, высокие идейные стремления и большие моральные требования к самому себе.

Галахов происходил из богатой аристократической семьи, получил хорошее образование, служил недолго в гвардии, затем вышел в отставку и скитался по зарубежным странам. Не находя себе дела, которому он мог бы отдать свои силы и приложить знания, Галахов, по словам Герцена, «всюду бросался; постучался даже в католическую церковь, но живая душа его отпрянула от мрачного полусвета, от сырого, могильного, тюремного запаха ее безотрадных склепов. (...) он принялся, было, за философию; ее холодные, неприветные сени отстрашали его, и он на несколько лет остановился на фуэреризме» (XIII, 104). Нигде и ни в чем Галахов не нашел сферы практического приложения своих интересов. Оставленный им след запечатлен лишь в отзывах современников да в немногих дошедших до нас письмах.

В одном из них, от 24 августа н. ст. 1845 г. («Русская мысль», 1892, № 7, стр. 95—96), Галахов пишет о предстоящей поездке в Италию, но в мыслях своих переносится «в Россию, в Москву». В Галахове, этом «западнике», пробудился интерес к славянскому вопросу. Одним из первых русских людей он явился сторонником сближения России со славянскими народами Балканского полуострова. Он сообщает друзьям о поездке в славянские земли, где он наблюдал пробуждение интереса к России, и призывает к сближению с «миром славянства», что, по его мнению, было «обязательно для русских». Однако Галахов оставался совершенно свободен от политических тенденций славянофилов. В неизданном письме (20 сентября 1845 г.) он, вспоминая о своих московских друзьях, которые в то время странствовали за границей, писал: «Все приятели в разброде; будто все стремятся к теснейшей связи, а между тем не нашли, чем держаться в кучке и всех как бы насильно расталкивает в разные стороны». Выражая надежду, что в Москве «дружнее идет и спор и согласие», он заканчивал элегическим раздумьем: «Чем дальше в лес, тем больше дров — и похоже на то, что надо остаться у опушки и предоставить сильнейшим работникам прорубить светлую просеку» (ЦГАОР, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 77).

В середине сороковых годов Галахов жил жизнью кружка Герцена, разделяя все интересы его московских друзей, с которыми встречался и на лекциях Грановского и в салоне М. Д. Ховриной. Посещал он также дом Герцена в Сивцевом вражке. Галахов сделал свой щедрый взнос в фонд журнала, который должен был явиться

органом кружка, но не был разрешен царем. В цитированном письме от 24 августа 1845 г. Галахов с благодарностью вспоминал о своем общении с Герценом и его семьей: «Могу ли я измениться и позабыть вас, когда в Москве более и ближе всего было с вами». Московские друзья отзывались о Галахове всегда с большой симпатией. «Чудный, прекрасный человек; как-то на нем иногда хорошо остановить глаза и душу: так все благородно и чисто в нем», — писал Герцен (III, 276); «Благородный человек

И. П. ГАЛАХОВ (?)

Рисунок Х. Я. Рейхеля 1844 г. в альбоме, подаренном Огаревым Герцену. Центральный государственный архив Октябрьской революции, Москва

теплый человек, ему можно дружески протянуть руку...», — восклицает о Галахове Огарев («Русская мысль», 1889, № 4, стр. 12).

Общение Галахова с семьей Герцена возобновилось в Париже в 1847 г. В мае этого года состоялось венчание Галахова с англичанкой Элизой Боуэн. Герцен и Анненков были шаферами на этой свадьбе. В конце ноября того же года Герцен, проездом в Италию, провел около трех недель с Галаховым в Ницце. Тогда-то и возникли между ними те «долгие разговоры», которые получили отражение в книге «С того берега». «Я читал его начало Галахову, — рассказывает Герцен в „Былом и думах“; — он был тогда очень болен, видимо таял и приближался к гробу. Незадолго до своей смерти он прислал мне в Париж длинное и исполненное интереса письмо. Жаль, что у меня его нет, я напечатал бы из него отрывки» (XIII, 107).

Умер Галахов в 1849 г. в Страсбурге. О его смерти Герцену сообщил Грановский: «Вчера привезли нам известие о смерти И. П. Галахова. Еще одним благородным человеком стало менее...» («Т. Н. Грановский и его переписка», цит. изд., т. II, стр. 446). На это письмо Герцен отвечал Грановскому: «Смерть Галахова, которую я узнал из твоего письма, нас всех огорчила. Да, он был не только благородный человек, но человек, бездну страдавший. Он все вопросы выносил годы целые в груди своей, для него решения, до которых он доходил, не были шумихой. К тому же у него был весь склад ума, юмор самобытный и необыкновенный...» («А. И. Герцен. Новые материалы». М., 1927, стр. 70). Все здесь изложенное свидетельствует о том, что в главе «Перед грозой» Герцен очень точно передал мысли Галахова, отразил его натуру, неспособную к действию, его мечтательность, дисгармоническое восприятие жизни и вместе с тем его жажду сохранить хоть какое-либо «верование» (XIII, 107).

В романе «Кто виноват?» Герцен возбудил вопрос: на ком лежит историческая ответственность за появление таких «лишних людей». Корни этого социального явления он усматривал в крепостническом строе. Устами своего Бельтова Герцен высказал то, что о себе мог бы сказать и Галахов: «Моя жизнь не удалась, — по боку ее. Я точно герой наших народных сказок (...) ходил по всем распутьям и кричал: „Есть ли в поле жив-человек?“ Но жив-человек не откликнулся (...) Я и ушел с поля...» (IV, 337). Так с поля ушел и Галахов, «не бросивши векам ни мысли плодотворной, ни гением начатого труда».

Первое из публикуемых нами писем Галахова к Герцену было послано из Ниццы 13 декабря 1847 г. Большая часть его посвящена изложению проекта освобождения крестьян, составленного кн. Голицыным, с которым Галахов познакомился в Ницце. Для нас в данном случае представляет интерес не столько сам проект (он отразил мнения либерального дворянства, заинтересованного не в улучшении судьбы народа, а в получении помещиками новых возможностей для их хозяйственной и предпринимательской деятельности), сколько сочувственный отзыв о нем Галахова, который видит его главную ценность в том, что «капиталы придут в движение, государство обогатится, крестьяне со временем освободятся, вполне владея землей,—все это без потрясений». Ранняя смерть Галахова помешала выявлению тех разногласий по коренному вопросу русской жизни между ним и Герценом, которые, судя по этому письму, были неизбежны.

Вспоминая в «Былом и думах» о своем последнем свидании с Галаховым в Италии в конце 1847 г., Герцен писал: «Итальянское движение закипало тогда, он был увлечен им. Вместе с взглядом, исполненным иронии, он хранил романтические надежды и все еще рвался к каким-то верованиям» (XIII, 107). К этому именно времени и относится второе публикуемое нами письмо Галахова.

Письма печатаются по автографам «пражской коллекции» (ЦГАОР, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 77).

1

Ницца. 13-е декабря 47

Очень прискорбно было нам узнать, любезный друг, что Наталья Александровна мучилась лихорадкой и что дети у вас также были нездоровы. Надеемся, что в эту минуту все эти невзгоды уже прошлые и что и возвратившимся здоровьем и внутренним спокойствием глаза, чувства и умы ваши раскрылись на все прекрасное и грандиозное в Риме. За Св. Петра с площадью и фонтанами, за Ватикан и вид на город с Monte Pincio можно простить сор улиц, тесноту Corso и убогость магазинов,—магазинам стыдно в Риме украшаться выставкой. Поживи, здоровый и неозабоченный, et vous m'en direz des nouvelles*. Мы тихо проживаем здесь дни; погода была чудесная, летняя—мучительные и неприличные насморки прошли, и я чувствую себя и посвежее и покрепче.—Вечера большей частью остаемся дома у исправного камина, к которому приходит также

* и вы мне о нем порасскажете (франц.).

греться давнишний мой приятель Пржездецкий. Он недавно сюда приехал, останется месяц, а к карнавалу будет в Риме.—Я снабжу его рекомендацией к вам; вы найдете в нем благородного и образованного человека; он пашпортный поляк из Подольской губ. и жил в Петербурге¹. С Тучковым ты, вероятно, виделся на пути? Скажи ему и его семейству, пожалуйста, искреннее приветствие от нас. Здесь я познакомился с кн. Голицыным из Москвы, женатым на гр. Толстой. Это тем замечательно, что он читал мне свой проект об освобождении крестьян, который посылает к государю. Проект составлен умно; вот его главные положения: оставить крестьянам настоящие их усадьбы и выгоны и, кроме того, наделить каждую душу двумя десятинами пахотной земли, за что брать с души по 8 р. сер. оброку. При заключении такого условия на 47 лет крестьяне делаются обязанными и принимают право покупать землю и откупаться прежде срока с двумя десятинами и усадьбой, заплатив восьмирублевую подать за все годы вперед. Через 47 лет крестьяне, в силу условия, делаются свободными и собственниками в совокупности отведенной им земли и перестают платить всякую подать. До истечения срока власть помещика ограничивается полицейским судом, но неисправный в платеже крестьянин обращается в крепостное состояние. Учреждается в губернии банк, в который, по цене 200 р. сер. за душу и отведенные участки, закладываются освобождающиеся имения. Банк выдает владельцу 4% облигации в 200 р. сер. по числу душ, за вычетом себе в фонд 20% со всего капитала для своих операций и за уплатой опекунскому совету облигациями суммы, у него занятой под имение. После сего у владельца остается еще в руках половинное количество облигаций, приносящих ему 4%, и он уже не знает опекунского совета, а после 47 лет и отчисленные в банк 20% ему возвращаются. Губернский банк платит проценты из получаемых им 8 р. сер. с оброков, ибо ему они вносятся, а не помещикам, и погашает долги опекунскому совету и совершает выкуп облигаций посредством операций на фонд, ему предоставленный. Лишь кредит облигаций, огражденных имениями, утверждается, их станут покупать на биржах, и помещики для обработки своих полей вольным трудом, или для иных предприятий будут всегда в состоянии выручить значительные деньги, теряя, разумеется, 4%. Капиталы придут в движение, государство обогатится, крестьяне современем освободятся, вполне владея землей,—все это без потрясений.—Помещик, если может и хочет,—может и больше земли отвести крестьянам, но после 47 лет только 2 десятины на душу будут собственностью крестьян.

Боюсь, что из моего краткого объяснения ты не будешь в состоянии составить себе ясного понятия о проекте, а распространяться не в силах, ибо рука утомляется от долгого писания. Проект основан на плодотворной мысли о мобилизации недвижимостей посредством банка и облигаций. Если доберешься до толку у меня, то сам разовьешь начала в последствия и сложности. Голицын принимает три разряда имений—пахотные, промышленные и около столиц,—и последние платят больше при одинаковом количестве земли. Проект позволит учреждать банки на каждые закладываемые в них 10 тысяч душ. Верит крепко в пользу меры, и в самом деле в ней много хорошего. Хотя *en gros** хотелось сообщить тебе².

Теперь прощайте, мои дорогие, будьте же здоровы и веселы и напишите нам поскорее—в самом деле нетерпеливы узнать, как все у вас идет. Elisa жмет вам обоим и М. Ф. дружески руку, скоро сама напишет, любит вас по моему примеру и без примера, как вы заслуживаете, и я у Натальи Александровны целую несколько раз ручки и прошу не унывать. Пройдет противная лихорадка, и на душе и кругом все станет светло. Adieu.

Ваш Г а л а х о в

* в общих чертах (франц.).

¹ Александр *Пржездецкий* (Przedziecki, 1814—1871), польский писатель, историк и археолог. Много работал в заграничных архивах и библиотеках по разысканию и изучению материалов по истории Польши (см. S. Orgelbranda. Encyklopedia powszechna, т. XII, Warszawa, 1902, стр. 387).

² *Голицын*—повидимому Леонид Михайлович Голицын (1806—1860), владелец усадьбы Карабиха Ярославской губ., приобретенной в 1862 г. Н. А. Некрасовым, действительный статский советник и камергер, в последние годы был директором Московского тюремного комитета.

Текст составленного им проекта освобождения крестьян не был опубликован, и никаких сведений о нем в литературе не имеется. Судя по изложению Галахова, по своим принципам проект Голицына близок к проекту Редакционных комиссий, легшему в основу Положений 19 февраля 1861 г. По мнению акад. Н. М. Дружинина, Голицыным несомненно руководили классовые помещичьи интересы, но в 1847 г., когда идея ликвидации феодальных отношений и сохранения за крестьянами земельного надела была мало распространена в дворянской среде, его проект мог показаться Галахову очень прогрессивным и открывающим перспективы мирного решения крестьянского вопроса.

2

Перевод с французского:

Ницца, 3 февраля (1848 г.)¹

Только что, чудеснейшим жарким и сверкающим утром, узнали мы, что народ Обеих Сицилий ² преодолел упорство короля и что последний манифестом предписал подготовку конституции ³. Вам это стало известно раньше нашего, но добрая весть так меня обрадовала, что, подавив вздох сожаления по отношению к Северу ⁴, спешу вас с нею поздравить. Итак, отстающие оказались впереди, теперь и остальным придется тоже что-то предпринять. Из бури и гнета возникнет порядок, родится деятельность, дыхание станет свободнее, и это приведет умы в гармонию с прекрасной землей Италии. Да здравствует культура и права человека. Вижу отсюда, как в Чивита-Веккия вздувается парус, который доставит вас, полных благожелательности и интереса, в Неаполь ⁵. Прощайте, обнимаю вас, будьте здоровы.

И. Г.

Приписка Элизы Галаховой:

Присоединяюсь к чувствам моего мужа, но вместо того, чтобы обнять вас, обнимаю г-жу Герцен, а вам сердечно жму руку.

Э. Г.

P. S. Мы недавно писали вам, но я боюсь, что не написала ваш адрес. Итак, если вы нашего письма не получили, оно должно быть на почте — с тех пор, как мы его отослали, прошло около недели.

¹ Письмо написано Э. Галаховой под диктовку ее мужа.

² Королевство Обеих Сицилий (Неаполитанское королевство) — до 1860 г. самостоятельное государство — состояло из двух частей: острова Сицилии и южной части Италии. Его столицей был Неаполь.

³ В январе 1848 г. в Палермо вспыхнуло народное восстание, перекинувшееся в Неаполь. Король Фердинанд II вынужден был согласиться на конституцию, которая была введена 10 февраля.

⁴ Север Италии с Ломбардией и Венецией принадлежал Австрии. Лишь Сардинское королевство (Пьемонт) сохранило самостоятельность. В начавшейся борьбе за объединение Италии Галахов ожидал решительных действий от сардинского короля Карла-Альберта, который, однако, медлил с объявлением войны Австрии (война была объявлена 24 марта 1848 г.).

⁵ Герцен с женой выехали из Рима в Неаполь 5 февраля 1848 г.